

Власть прошлаго ¹⁾.

„Aimer—c'est courir la chance d'être blessé, et il faut la courir“.

Наступила Пасха. Свѣтлую заутреню Горовы всегда стояли въ домовой церкви Коммерческаго училища. Туда пріѣхали и Скарятинны, т.-е. молодежь. Пробывъ заутреню вмѣстѣ съ родителями въ своей приходской церкви братья пріѣхали къ обѣднѣ въ Коммерческое училище и такъ какъ у нихъ въ семьѣ не было обычая разговляться ночью, то по окончаніи службы, Николай Алексѣевичъ пригласилъ ихъ къ себѣ на розговѣнье. Молодые офицеры, конечно, согласились. Домъ Горовыхъ былъ очень близко, и потому изъ церкви всѣ отправились пѣшкомъ. Уже почти совсѣмъ разсвѣло; погода была весенняя, хотя ночная свѣжесть давала себя чувствовать. Весело болтая, дошли до дома. Василій, караулившій господъ, уже открылъ дверь. Раздѣвшись всѣ вошли въ столовую. Роскошно сервированный столъ пріятно манилъ къ себѣ. Нѣсколько старушекъ-родственницъ поджидали ихъ прихода. На дворѣ стало совсѣмъ свѣтло. Николай Алексѣевичъ подошелъ къ столу, потушилъ зажженные канделябры и, поднявъ занавѣски, открылъ настежь окна въ садъ. Въ комнату ворвался снопъ свѣта, слышалось чириканье птицъ, природа пробуждалась, а вдали раздавался запоздалый благовѣстъ приходскихъ церквей.

Многочисленная прислуга самымъ патріархальнымъ образомъ ввалилась въ столовую, чтобы похристосоваться съ господами. Дѣвочки весело смѣялись, болтали съ офицерами, а старшія все путались въ своихъ длинныхъ бѣлыхъ шлейфахъ. За ужиномъ Андрей Александровичъ сидѣлъ рядомъ съ Наташей.

¹⁾ См. „Русская Старина“, февраль 1915 г.

— Мнѣ такъ сегодня хорошо и отрадно на душѣ, сказалъ онъ, обращаясь къ Наташѣ. А знаете почему?

— Нѣтъ, не знаю. Почему? подняла она на него свои темные глаза.

— Вы сегодня такая хорошая, веселая, какой я васъ давно не видалъ. Не даромъ сегодня Свѣтлое Воскресенье. Вы воскресли для новой жизни. Правда?

Облачко грусти затуманило лицо Наташи.

Она взглянула на Андрея Александровича серьезно и вдумчиво.

— Да, я этого хочу. Я стараюсь всѣми силами.

— И это такъ будетъ—повѣрьте мнѣ!

Осенью, когда полкъ Андрея Александровича вернулся изъ лагерей и когда его посѣщеніи Горовскаго дома еще болѣе участились—онъ сдѣлалъ предложеніе Наташѣ. Успокоенное, отдохнувшее сердце дѣвушки радостно открылось навстрѣчу тихаго семейнаго счастья. Привязанность Андрея Александровича была такъ искренна, такъ велика, сулила такое безпредѣльное счастье, что Наташа вся отдалась ей и только все спрашивала мысленно, за что Господь ей посылаетъ такое счастье?

Елена Ивановна, искренно полюбившая и привязавшаяся къ дѣвушкѣ, сама пріѣхала къ Николаю Алексѣевичу ходатайствовать за сына; но вопросъ былъ уже рѣшенъ, все улажено, и счастливые женихъ и невѣста встрѣтили ее сами на порогѣ первой гостиной. Взглянувъ на лицо сына, она догадалась о счастливомъ исходѣ, привлекла къ себѣ Наташу и покрыла ее лицо горячими поцѣлуями. Усадивъ Елену Ивановну на диванъ, Наташа опустилась передъ ней на колѣни и, припавъ къ ее груди, заплакала.

— О чемъ, дочурка моя, ласкала ее старуха, или боишься, думаешь, что Андрей не сдѣлаетъ тебя счастливою? Онъ тебя такъ любитъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ, шептала она, но я не стою его, я такая гадкая, грѣшная...

— Полно, полно, родимая, не клевети на себя. Андрюша, позвала она сына, который стоялъ поодаль у окна, не желая стѣснять мать и невѣсту, Андрюша, подойди, успокой ее и скажи, какъ мы ее давно, давно любимъ, какъ и ты, и я постараемся сдѣлать ее счастливою...

Андрей Александровичъ подошелъ къ Наташѣ, нѣжно приподнялъ ее съ колѣнъ и, взявъ ея руки, горячо поцѣловалъ ихъ. А глаза его, отуманенные непрошенными слезами, ласково и любовно смотрѣли на нее.

— Дорогая, милая, шептали его губы, вся жизнь моя тебѣ и для тебя!..

Хорошее, счастливое время настало въ семьѣ Горовыхъ. Какъ-то все измѣнилось. Вся жизнь приняла другой характеръ. Отецъ окружалъ Наташу особенной нѣжностью и заботливостью; всѣ родные и знакомые привѣтствовали ея бракъ съ молодымъ Скарятинымъ. Катюша торжествовала. Во-первыхъ, она радовалась за любимую сестру; а потомъ—она становилась теперь „царицей“ и „point de mire“ общества веселыхъ Горовскихъ „средь“ и всей молодежи. Наташа была отрѣзанный ломоть. Шитье приданого и покупка и устройство будущаго хозяйства внесли тоже немало оживленія и пріятныхъ хлопотъ.

Николай Алексѣевичъ устраивалъ для молодыхъ верхъ. Дѣвочекъ и м-ше Клеберъ переводили въ низъ. Вся эта суета, всѣ эти перемѣны были такъ веселы и радостны. Свадьба была назначена на весну, послѣ Пасхи.

На Страстной недѣлѣ вся семья Горовыхъ говѣла.

Говѣлъ также и Андрей Александровичъ. Въ Вербное Воскресенье, послѣ обѣда, Николай Алексѣевичъ, подзававъ Андрея Александровича, сказалъ ему:

— Вы, конечно, тоже будете говѣть, а потому и некогда вамъ будетъ, и я прошу васъ не смущать Наташу и до Великаго Четверга не прѣзжать къ намъ.

Андрей Александровичъ молча поклонился; онъ всегда какъ-то невольна испытывалъ на себѣ Горовскій авторитетъ; возражать или противорѣчить ему—это и въ голову не приходило Скарятину.

Наташа знала объ этомъ рѣшеніи отца; но въ головѣ у нея былъ планъ, и она не знала, какъ приступить къ его исполненію. Дѣло въ томъ, что, согласно христіанскому обычаю, она чувствовала, что передъ этимъ ея говѣньемъ ей придется испросить прощеніе въ своихъ прежнихъ грѣхахъ и у человѣка, которому она дала слово и съ которымъ вмѣстѣ она теперь вступала въ новую жизнь. Всегда увлекающаяся и пылкая, она хотѣла, чтобы этотъ фактъ не носилъ на себѣ рутиннаго отпе-

чатка; она хотѣла искренно, чистосердечно покаяться Андрею Александровичу въ своѣмъ страшномъ грѣхѣ, какъ она до сихъ поръ называла свое увлеченіе Рагодинымъ, испросить у него прощеніе и чистой, обновленной и прощенной встрѣтить съ нимъ Великій Праздникъ Пасхи.

Первое время ихъ жениховства они почти никогда не оставались вдвоемъ. Или м-ше Клеберъ, или сестры, или старушка родственница всегда присутствовала въ комнатѣ. Въ этотъ же вечеръ случилось какъ-то такъ, что всѣ разошлись. Отецъ ушелъ къ себѣ въ кабинетъ; Катюшу вызвали къ пришедшей портнихѣ, а младшія, по обычаю, удалились съ м-ше Клеберъ на верхъ.

Наташа и Андрей Александровичъ прошли въ полутемную большую залу.

— Наталья Николаевна, съиграйте что-нибудь!

Наташа лукаво и строго погрозила ему пальцемъ.

— Сегодня? въ такой день? прошептала она.

У Горовыхъ съ Вербной Субботы не позволялось ни играть, ни пѣть до самаго дня Св. Пасхи.

Потомъ, какъ бы отвѣчая на свою собственную тайную мысль, она продолжала:

— Нѣтъ, нѣтъ, не здѣсь! и ея взглядъ, полный страха и тоски, скользнулъ по темному профилю Бехштейна. Нѣтъ, пойдемте въ красную гостиную! И, схвативъ руку Андрея Александровича, она увлекла его за собой.

— Сядьте, сказала она, указывая на мягкую кушетку, стоявшую въ дальнемъ углу и всю заставленную цвѣтами и большимъ трельяжемъ съ дикимъ виноградомъ. Онъ повиновался, съ любопытствомъ глядя на нее.

— Что это за торжественный тонъ? попробовалъ онъ улыбнуться.

— Нѣтъ, не шутите... и ея губы задрожали.

Потомъ, немного помолчавъ:

— Я не знаю... не знаю, какъ сказать... Я хочу быть счастливой и не могу... я должна...

Она закрыла лицо руками; по ея дрогнувшимъ плечамъ, онъ догадался, что она плакала. Испуганный, взволнованный, онъ вскочилъ съ кушетки.

— Наташа, ради Бога, что съ вами? въ чемъ дѣло?

И онъ заботливо и нѣжно обнялъ ее.

Прижавшись головой къ его плечу, вся сгорая отъ стыда и волненія, трепетными губами она произнесла имя Рагодина.

Ясной, спокойной улыбкой озарилось лицо Андрея Александровича.

— Ну, слава Богу, вздохнулъ онъ съ облегченіемъ, я уже думалъ Богъ знаетъ что случилось! Ни слова больше, не нужно, я все знаю, сказалъ онъ тихимъ и серьезнымъ голосомъ.

Она подняла голову и смотрѣла на него мокрыми отъ слезъ глазами.

— Знаете... и любите? прошептала она.

— Знаю. И люблю больше прежняго.

И порывистымъ движеніемъ онъ привлекъ ее къ себѣ.

— Если это—грѣхъ, въ которомъ вы считаете себя обязанной мнѣ покаяться, то какже мнѣ испросить у васъ прощеніе и открыть вамъ свою душу и жизнь...

Голосъ его дрогнулъ.

— Молчите! Я ничего не хочу знать! И она рукою закрыла ему ротъ.—Скажите только, что вы всегда, всегда будете любить меня!

О своей любви она не говорила; она знала, что ея любовь останется неизмѣнной.

— Наташа, дорогая! и онъ покрывалъ ея руки поцѣлуями.

Послышались шаги отца.

— А! вотъ вы гдѣ уединились! сказалъ онъ веселымъ голосомъ, проходя мимо нихъ въ другую комнату, какъ бы не находя въ этомъ уединеніи ничего особеннаго и санкціонируя этимъ ихъ tête-à-tête.

Между тѣмъ Россія переживала тяжелое, напряженное время. Газеты были полны потрясающими подробностями о турецкихъ звѣрствахъ и вопляхъ угнетенныхъ славянъ. Готовились событія великой важности, въ которыхъ наше отечество не могло далѣе оставаться безучастнымъ. И вотъ гроза разразилась. 12 апрѣля появился Высочайшій манифестъ съ объявленіемъ войны туркамъ.—Не только Московскій гарнизонъ, но и гвардія была призвана подъ знамена. Полкъ, гдѣ служилъ Андрей Александровичъ, пока еще не трогали, но, конечно, со дня на день ожидали и его назначенія. Свадьба Наташи была назначена въ послѣднихъ числахъ апрѣля. На другой день Манифеста отецъ вошелъ въ комнату Наташи; она сидѣла за работой, мѣтила столовое бѣлье для своего будущаго хозяйства. Отецъ сѣлъ противъ нея въ большое мягкое кресло. Наташа подняла глаза, и ея взоръ съ нѣжностью остановился на лицѣ отца. За послѣднее время онъ сталъ жаловаться на здоровье.

Это ли обстоятельство, или то, что въ предстоящихъ событіяхъ она предчувствовала полную разлуку съ отцомъ, но ея чувства къ нему никогда не были такъ живы и глубоки, какъ все это послѣднее время.

— Я пришелъ поговорить съ тобой, началъ Горовъ, и Наташѣ показалось, что голосъ его былъ какой-то надломленный и старческій.— Не отложить ли свадьбу? Вѣдь, всего вѣрнѣе, что полкъ Андрея Александровича будетъ тоже мобилизованъ. Нужно быть готовыми ко всему. Закрывать глаза на опасность не слѣдуетъ. Что же будетъ тогда?

— Папа, какъ хотите! Нужно спросить Андрея. Что онъ думаетъ.

— А ты? и онъ смотрѣлъ на нее испытующимъ взоромъ.

Она не смутилась подъ этимъ взглядомъ.

— Я его люблю, папа! Будь, что будетъ! Я раздѣлю съ нимъ и радость и горе!

Горовъ глубоко вздохнулъ и всталъ. Подойдя къ Наташѣ, онъ ласковымъ жестомъ положилъ ей свою руку на голову, простоялъ такъ нѣсколько минутъ и потомъ, не сказавъ ни слова больше, вышелъ изъ комнаты.

Вечеромъ того же дня, когда Наташа сошла внизъ въ столовую,—Василій, который только-что подалъ самоваръ, почтительно доложилъ ей:

— Андрей Александровичъ пріѣхали. Они у ихъ превосходительства.

Наташа направилась къ отцу въ кабинетъ. Не доходя кабинета, въ первой пріемной ее встрѣтилъ Андрей. Повидимому, у нихъ только-что былъ разговоръ съ Горовымъ.

— Наташа, вы знаете... голосъ его дрожалъ, и онъ испуганно глядѣлъ на нее.

Она спокойно улыбнулась и протянула ему руки.

— Я знаю, о чемъ папа говорилъ съ вами.

— И что же?

— Я ваша и люблю васъ. Дѣлайте, какъ хотите. Андрей Александровичъ склонился къ ея рукамъ.

Святая прошла быстро. Пріѣздъ Государя; пріемъ во дворцѣ; парады, смотры. Вся Москва жила какой-то лихорадочной жизнью. И у Горовыхъ въ домѣ жизнь была ключемъ. Послѣднія приготовления въ комнатахъ для молодыхъ. Привозили новую мебель; вѣшали портьеры; разставляли цвѣты.

— Серебро отъ Садикова привезли, докладывалъ Василій.

— Барышня, вѣнчальное платье принесли; Лизавета Васильевна проситъ примѣрить, влетала Аннушка.

— Наташа, иди скорѣй! кричала Жень. Какія туфли! бѣлыя, атласныя, съ бантиками! Одинъ восторгъ!

Катюша возилась съ бѣльемъ и перевязывала розовой ленточкой цѣлыя груди тонкаго, наряднаго бѣлья.

Наташа, какъ въ туманѣ, какъ замороженная, ходила по комнатамъ, спѣшила то туда, то сюда, дѣлала, что ей приказывали дѣлать; въ головѣ хаосъ и ни одной ясной мысли.

— Что съ тобой? сердилась Катюша. Ты ничего не понимаешь, что тебя спрашиваютъ!

Наташа улыбалась ей и вполнѣ соглашалась съ тѣмъ, что она ничего не понимаетъ. Если бы ее спросили, что она чувствуетъ, какія мысли волнуютъ ее, наврядъ ли она сумѣла бы объяснить свое состояніе. На первомъ мѣстѣ, конечно, стояла любовь къ Андрею. Это чувство заслоняло собою всѣ другія. Ну, а потомъ страхъ,—непонятный, жуткій страхъ и передъ всѣмъ тѣмъ грядущимъ, что надвигалось на нее и чего она не знала, и страхъ передъ Андреемъ, передъ его любовью. О тѣхъ обязанностяхъ, которыя накладывала на нее роль замужней женщины—она не думала. Не думала по той самой простой причинѣ, что она ихъ не знала. Да откуда ей было что знать!

Воспитанная въ четырехъ стѣнахъ, почти не имѣя подругъ, проводя все время между отцомъ, сестрами и гувернанткой, читая только то, что разрѣшалось отцомъ, находясь постоянно подъ ихъ ферулой—что могла знать она о жизни? Она сфинксомъ стояла передъ нею. И сфинксъ—молчалъ. И благо ей было, что онъ молчалъ! Господь одинъ знаетъ, что, если бы она разгадала это молчаніе и завѣса будущаго приподнялась бы передъ нею—не пала ли бы она духомъ и не содрогнулась ли бы передъ тѣмъ, что ей готовило будущее!

Вотъ и 20 апрѣля! Церковь Коммерческаго училища освѣщена à giorno. Широкая лѣстница богато убрана ковромъ и цвѣтами. Масса приглашенныхъ—родныхъ и знакомыхъ. Вся закрытая бѣлымъ облакомъ подвѣнечной фаты, входитъ Наташа подъ руку съ отцомъ въ церковь.

Говоръ и шумъ стихаютъ; хоръ пѣвчихъ привѣтствуетъ невѣсту. Но вотъ священникъ подводитъ къ ней Андрея Але-

ксандровича, соединяетъ ихъ руки и ведетъ ихъ вмѣстѣ на средину церкви.

Поднявъ глаза и увидавъ милое и дорогое лицо, она старается улыбнуться, но улыбка не выходитъ, и на глазахъ безпомощно блестятъ слезы. Серьезный и сосредоточенный стоитъ онъ рядомъ съ нею. Она старается всѣми силами понять слова службы, старается молиться и—не можетъ. А утромъ того же дня за ранней обѣдой, въ приходской маленькой церкви, гдѣ она была съ отцомъ—какъ молилась она! Вся ея душа трепетала въ молитвѣ! „Господи, лишь бы онъ меня любилъ! Я все буду для него—другомъ, рабомъ... нѣтъ въ свѣтѣ той жертвы, которой я ему не принесу—вся, вся его... только бы быть достойной его любви“!..

Но вотъ—служба кончена. Ихъ окружаютъ, поздравляютъ, цѣлуютъ. Она идетъ подъ руку съ нимъ по освѣщеннымъ заламъ; рука ея дрожить и ноги не слушаются. Андрей Александровичъ нѣжно прижимаетъ эту дрожащую руку, и губы его шепчутъ ласку.

— Карету молодыхъ! лихо кричитъ швейцаръ.

Андрей помогаетъ ей сѣсть, поправляетъ ея бѣлый шлейфъ, и они ѣдутъ къ Горовымъ. Туда же ѣдутъ родные и знакомые. Домъ весь иллюминированъ; парадная дверь открыта настежь. Отецъ и тетка встрѣчаютъ ихъ съ хлѣбомъ-солью. Вся прислуга собралась, чтобы поздравить свою барышню. Подаютъ шампанское, а въ большой залѣ сервированъ богатый ужинъ. Шумъ, суета, говоръ; поздравляютъ молодыхъ, поздравляютъ другъ—друга. Андрей Александровичъ подводитъ Наташу къ своему начальнику, старому генералу въ лентахъ и орденахъ.

— Моя жена!—представляетъ онъ ее.

Голосъ звучитъ серьезно, но углы рта улыбаются, а у Наташи отъ этихъ словъ радостно и страшно бьется сердце.

Странное, жуткое чувство овладѣло ею; въ старый, милый, родной домъ она вошла, какъ чужая; она чувствовала себя оторванной. Отецъ былъ все также ласковъ, еще ласковѣе, если возможно, сестры тоже, но—что-то порвалось! Онъ разъединялъ ихъ, онъ стоялъ между ними... И вдругъ, какъ молнія, блеснуло у нея въ головѣ.

— А что, если вдругъ разлюбить!

Нѣтъ, нѣтъ! Она гонитъ эту мысль. Этого не можетъ быть! За что! Вѣдь онъ же обѣщаль, вотъ сейчасъ, передъ Богомъ! Нѣтъ! Вотъ онъ подходитъ къ ней, глядитъ на нее своими хорошими, честными глазами; такіе глаза лгать не могутъ!

И зачѣмъ онъ ее разлюбитъ? Вѣдь она всю жизнь, всю себя отдаетъ ему... вѣдь онъ знаетъ, что теперь онъ для нея — все... для него она бросаетъ семью, отца...

— Наташа, что съ тобою? заботливо спрашиваетъ Андрей Александровичъ, ты вся блѣдная! Тебѣ дурно, ты ничего не ѣла сегодня!..

— Нѣтъ, ничего... Я немного устала... Андрюша, милый, скажи...

Но слова остаются недосказанными. Къ нимъ подбѣгаетъ Катюша и одинъ изъ братьевъ Андрея, говоря и крича что-то вмѣстѣ. Оказывается, старики Скарятинны собираются ѣхать домой и нужно съ ними проститься. Наташа быстро слѣдуетъ за ними.

Вотъ и послѣдніе гости разѣзжаются.

Прислуга ходитъ по комнатамъ и тушитъ канделябры и лампы. Дѣвочки прощаются съ отцомъ и уходятъ по своимъ комнатамъ. Отецъ особенно нѣжно цѣлуетъ и благословляетъ Наташу; отъ отца она повертывается къ Андрею Александровичу, который стоитъ тутъ же. Онъ цѣлуетъ ей руки и нѣжно говорить:

— Иди! Господь съ тобою! я сейчасъ приду.

Наташа идетъ на верхъ въ свою новую спальню.

Весь верхъ предоставленъ въ ихъ распоряженіе; дѣвочки переселились внизъ съ гувернанткой.

Тихо входитъ она въ комнату; въ ней полумракъ, въ углу на столѣ подъ темнымъ абажуромъ горитъ лампа; а прямо передъ ней стоитъ кіотъ, въ который видимо только-что поставили образъ Владимірской Божьей Матери, тотъ образъ, которымъ ее благословили къ вѣнцу. Тихо теплится и мерцаетъ передъ нимъ огонекъ лампы, освѣщая серебряную, вызолоченную ризу. Безмолвно опускается Наташа въ своемъ подвѣчномъ нарядѣ на колѣни передъ образомъ; глаза ея устремлены на ликъ Пресвятой Дѣвы; она молится; словъ нѣтъ; она ихъ не находитъ; но вся она — душа, сердце, все ея существо — уже есть одна молитва...

Рѣзкой чертой отдѣлилась дѣвичья жизнь Наташи. Пропала беззаботность; исчезла безответственность. Тамъ, за чертой, было только одно я, которое жило, любило, стремилось, страдало... Теперь же каждая мысль, каждый поступокъ отдавались на судъ другому лицу — лицу близкому, любящему, любимому, но съ которымъ приходилось считаться. Наташѣ это было странно, но

не трудно. Она слишком любила Андрея, чтобы тяготиться этимъ. Она съ радостью отдавала ему на судъ весь свой духовный міръ. Да у нея тайнъ никакихъ и не было! Вся ея жизнь была такъ свѣтла, такъ прозрачна.—Иногда, правда, она задумывалась, старалась уяснить себѣ свой настоящій нравственный міръ, свои духовныя стремленія, но Андрей Александровичъ въ пылу молодой любви не давалъ ей долго думать объ этомъ; онъ окутывалъ ее такими ласками, плѣнялъ и туманилъ ея воображеніе такими восторгами, властно требовалъ отвѣта на свою любовь. Она совершенно теряла чувство субъективности и сознавала только, что она часть чего-то, не цѣльное—я.

Но жизнь вокругъ нея текла своимъ чередомъ; все шло фатально по заранѣе намѣченнымъ путямъ; тяжелыя, непрошенныя событія вторгались въ ея жизнь и заставили ее силой пробудиться и выйти изъ того зачарованнаго оцѣпенѣнія, въ которомъ она находилась.

Полкъ Андрея назначенъ на Кавказъ, на усиленіе арміи, находящейся подъ командой Вел. Кн. Михаила Николаевича. Мобилизація всей дивизіи; сборы, проводы поочередно всѣхъ полковъ и батарей.—А тутъ телеграмма отъ Катюши: „Пріѣзжай скорѣй, папа заболѣлъ“. Молодые жили то лѣто въ Всѣхсвятскомъ, недалеко отъ Ходынки.

Черезъ недѣлю отца не стало, а черезъ мѣсяць Наташа, вся въ траурѣ, провожала на войну своего дорогого, ненагляднаго Андрюшу. Ее почти безъ чувствъ увезли съ вокзала домой. Все рушилось вокругъ нея; она чувствовала, какъ почва ускользала изъ-подъ ея ногъ.

— Миѣ не пережить этого, твердила она, бродя по пустымъ комнатамъ отцовскаго дома и не зная, куда уйти отъ всего того, что ей напоминало то дорогого, любимаго отца, то ненагляднаго, боготворимаго человѣка. Да развѣ можно жить послѣ всего того, что случилось!

Младшихъ сестренокъ опекунъ увезъ въ Петербургъ кончать образованіе. Катя тоже уѣхала туда же къ теткѣ. Домъ былъ назначенъ въ продажу для раздѣла. Наташа наняла по близости квартиру, перевезла часть мебели, взяла нѣсколько человѣкъ прислуги; остальныхъ отпустили съ денежными наградами.

Въ семьѣ Скарятинныхъ тоже было горе. Кромѣ Андрея на войну ушли еще два сына: уланъ Василій и, только-что произведенный въ офицеры, Сергѣй; производство въ томъ году было

раннею весною. Дома остались только два кадета: Саша и Митя. Семья Андрея привязалась къ Наташѣ; Елена Ивановна въ ней души не чаяла. Наташа проводила иногда цѣлые дни у нихъ. Сидя на скамеечкѣ у ногъ Елены Ивановны, положивъ голову къ ней на колѣни, она цѣлыми часами говорила и вспоминала о своемъ далекомъ другѣ. Случалось, онѣ вмѣстѣ плакали, въ особенности если газетныя извѣстія были грустныя и тяжелыя.

Быль ноябрь мѣсяцъ. Ожидали великихъ событій: состояніе духа у всѣхъ было напряженное. Тамъ, далеко, на театрѣ военныхъ дѣйствій, и въ Закавказьѣ, и за Дунаемъ, на поляхъ, обогранныхъ и залитыхъ русской кровью, ждали или славныхъ побѣдъ, или ужасныхъ, невысказанныхъ поражений. — Карсъ и Плевна пали и сдались на разстояніи нѣсколькихъ дней. Но это выжидательное время, предшествовавшее штурму и сдачѣ обѣихъ крѣпостей, было нѣчто ужасное. Въ одинъ изъ этихъ дней, не въ состояніи болѣе переносить своего одиночества, Наташа отправилась къ Скарятинымъ. Встрѣчали ее тамъ всегда съ распростертыми объятіями. Елена Ивановна не знала, куда усадить, чѣмъ накормить и побаловать свою нареченную дочку. Самъ старикъ изысканно любезно цѣловалъ ея ручку, бросалъ только-что начатый пасьянсъ и, желая ее развлечь, начиналъ рассказывать что-нибудь интересное изъ своихъ консульскихъ воспоминаній. Маленькій 12-ти-лѣтній Митя несъ ей показывать свои новыя картинки, въ которыхъ уже проглядывалъ выдающійся талантъ. Послѣ обѣда въ кабинетѣ зажигали каминъ и вся семья отправлялась туда.

Елена Ивановна сидѣла въ большомъ креслѣ и вязала чулокъ; а Наташа на низенькой скамеечкѣ около нея. Александръ Николаевичъ дремалъ на диванѣ, а Наденька углубилась въ чтеніе французскаго романа. Сначала разговоръ былъ общій, но потомъ Nadine куда-то исчезла, а съ дивана послышался сладкій храпъ. Елена Ивановна и Наташа заговорили шопотомъ.

— Мамочка, милая! я право больше не могу! Ну, гдѣ онъ? Гдѣ мой Андрюша? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ, нѣтъ писемъ!

И она судорожно обнимала колѣни Елены Ивановны и прижимала къ нимъ свое лицо, все мокрое отъ слезъ. Старуха успокаивала, какъ могла; у нея у самой было тяжело на сердцѣ, Гвардія, гдѣ въ одномъ изъ полковъ служилъ Сергѣй, стояла

около Плевны; оттуда тоже давно не было вѣстей. Да къ довершенію всего тамъ еще свирѣпствовалъ тифъ.

— За что меня Господь такъ наказываетъ? продолжала Наташа. Если что съ Андреемъ случится, я не вынесу... я умру... Зачѣмъ мнѣ жить?...

Елена Ивановна только-что собралась ей сказать, чтобы она не роптала, чтобы покорилась судьбѣ, что не одна она страдаетъ и мучается, какъ вдругъ Наташа вскочила на ноги, выпрямилась, широкооткрытые глаза ея смотрѣли куда-то вдаль; обѣими руками она держалась немного ниже того мѣста, гдѣ билось ея сердце, а губы тихо шептали, какъ будто сдерживая не то смѣхъ, не то слезы:

— Ну, вотъ, вотъ... а я еще сомнѣвалась! Господи! мамочка, милая, какое счастье!...

Елена Ивановна встала тоже и обняла ее.

— Тише, родная, тише! Зачѣмъ такія движенія! Будь осторожнѣе. Теперь нужно беречь себя.

Беременность ея была тяжелая; нездоровье усугублялось угнетеннымъ, нравственнымъ состояніемъ. Были дни, когда она не вставала съ постели, несмотря на увѣщаніе доктора, привезеннаго Еленой Ивановной, который предписывалъ моціонъ и—слѣдствіе его—хорошій аппетитъ.

Лежа въ постелѣ или на широкой оттоманкѣ, вся окруженная портретами Андрея Александровича, его письмами, телеграммами, послѣдними нумерами газетъ, она то и дѣло, что читала, перечитывала, разсматривала весь этотъ музей.

— Наташенька! прими лѣкарство, ужъ пора!

И Елена Ивановна подходила къ ней съ ложкой и стеклянной микстуры.

— Подождите, мамочка! вотъ, слушайте, я вамъ прочту эту страничку! Эту—можно, а дальше нельзя — и она лукаво улыбалась — дальше не про васъ! И она глазами просматривала цѣлый десятокъ нѣжныхъ эпитетовъ, которыми Андрей баловалъ и ласкалъ ее.

— Ну, хорошо,—только прими лѣкарство, а то тебѣ опять нехорошо будетъ!

— Не хочу, не буду! плаксиво говорила она голосомъ балованнаго ребенка, который чувствуетъ, что ему все позволено. Не хочу! Андрюшу—хочу! Дайте мнѣ Андрюшу!

И она раздражалась истеричными рыданіями.

Но вот и Санъ-Стефанскій договоръ подписанъ. Россія ликуетъ. Войска возвращаются, покрытыя славой. Возвращаются тихо, постепенно, но все-таки уже вездѣ чувствуется радость. У всѣхъ подъемъ духа, нервное ожиданіе, кромѣ, конечно, тѣхъ, которые уже облеклись въ трауръ и уже никого не ждутъ...

Полкъ Андрея Александровича вернулся въ концѣ февраля; оставивъ свой эшелонъ въ Воронежѣ, онъ со скорымъ поѣздомъ пріѣхалъ въ Москву.

Болѣе полу-года былъ онъ въ разлукѣ съ молодой женою и теперь, понятно, стремился скорѣй увидеть ея. Есть минуты въ жизни, которыя не забываются. Онѣ составляютъ эпохи.—Въ отсутствіи Андрея Наташа снова принялась писать дневникъ. Писала она его теперь спокойно, безъ боязни, что его кто-нибудь конфискуетъ; но все-таки-же прятался онъ далеко, и даже Андрей Александровичъ никогда не видалъ его. Вотъ что она писала:

20 февраля 1878 г.

... „Сегодня получила телеграмму отъ Андрея; онъ ѣдетъ назадъ! У меня нѣтъ словъ, чтобы передать то состояніе, въ которомъ я сейчасъ нахожусь. Доживу ли я до завтра! до этого свѣтлаго, радостнаго дня. Мнѣ кажется, что завтра никогда не придетъ; еще больше чѣмъ пол-сутки ждать. Завтра онъ будетъ со мною, около меня. О, мой дорогой, несравненный другъ, какъ я тебя люблю! Я знаю, это Царица Небесная возвратила мнѣ тебя! Я такъ Ей молилась! Она услышала меня!...

22 февраля.

Андрюша тутъ. Онъ пріѣхалъ вчера съ почтовымъ вмѣстѣ съ братомъ Василиемъ. Ну, какъ могу я написать, что я чувствую! Я еще не могу взвѣсить всего моего счастья. Онъ здѣсь! Я его вижу, трогаю, обнимаю. Жизнь, счастье вернулись ко мнѣ!...

Сегодня ночью онъ спалъ, а я долго, долго смотрѣла на него и не вѣрила своему счастью... У меня теперь лишь одна забота — сдѣлать его счастливымъ. Смогу ли я?...

Въ концѣ марта у Наташи родился сынъ Дмитрій. Роды были тяжелые, мучительные; пришлось позвать акушера. Андрей Александровичъ ни на минуту не отходилъ отъ нея;

среди страданій она какъ-то сказала, что ей легче, когда онъ тутъ, возлѣ нея, и онъ все время стоялъ около ея изголовья, держа ея руки, которыми она безпомощно хваталась за него, поправляя подушки, по которымъ разметались ея длинныя, туго-заплетенныя косы, шепча слова ласки и любви.—Онъ первый услыхалъ крикъ своего сына, такъ какъ Наташа лежала въ это время въ глубокомъ обморокѣ.

Рожденъ первенецъ! что сказать! Какими словами выразить! Кто испыталъ это чувство самъ — тотъ, конечно, знаетъ и не забылъ. Ну, а кто не испыталъ — тому никогда и не понять этого.

Вотъ онъ, этотъ новый пришлецъ! Кто ты? Откуда? Изъ какого таинственнаго міра явился ты къ намъ? Безгрѣшный Ангелъ, случайно попавши на землю, что принесъ ты мнѣ? Счастье? Горе? Тебя сейчасъ здѣсь не было, и вотъ ты здѣсь! Мое маленькое я! Дитя моей души! Какую безсмертную любовь, какія непонятныя силы вдохнулъ Создатель въ сердце матери! Какъ постичь эту великую тайну?

Когда Наташа пришла въ себя, отдохнула и докторъ нашелъ, что всякая опасность миновала, ей показали ребенка. Андрей Александровичъ самъ поднесъ ей новаго члена семьи, окутаннаго въ голубое шелковое одѣяльце. Въ общей ласкѣ соединила она мужа и сына, попеременно цѣлуя то сморщенное красное личико, то красивую мужскую руку, запутавшуюся въ мягкихъ шелковыхъ складкахъ одѣяла. Съ безпредѣльной любовью и благодарностью поднялись ея глаза на мужа.

— Нашъ сынъ, нашъ ангелъ! шептала она. Андрюша, подумай, какъ Господь милосердъ къ намъ!

Какъ она ни просила, но кормить ей не позволили. И Елена Ивановна, и Андрей Александровичъ возстали противъ этого.

— Полно, голубчикъ, ты еще такая молоденькая, тебѣ еще жить, веселиться нужно! Ты еще будешь выѣзжать! Какое ужъ тутъ кормленіе!

Ей показалось страннымъ, что теперь, когда онъ тутъ, говорить о выѣздахъ и весельѣ; ей казалось непонятнымъ думать о чемъ-нибудь другомъ, а не объ ребенкѣ, который, какъ ей думалось, имѣлъ болѣе всего права на нее. Но она подчинилась рѣшенью свекрови. Значить, такъ надо — думала она. И молодость взяла свое. Къ осени, оправившись совершенно отъ тяже-

лыхъ родовъ, она расцвѣла, поздоровѣла и стала съ удовольствіемъ выѣзжать. Балы, пикники, концерты, театр—у нея едва хватало времени на все это. День, впрочемъ, она почти весь проводила дома съ ребенкомъ; няньчилась съ нимъ, общивала его.

Въ симфоническіе концерты она ѣздила неохотно; она боялась прошлаго; боялась роковой встрѣчи. Какъ она сама себя ни успокаивала, что все прошло, прошло безвозвратно, что она ничего не боится, что она сильна любовью къ Андрею, любовью къ сыну, но все-же больно и мучительно билось ея сердце, когда она подъ руку съ Андреемъ Александровичемъ, въ нарядномъ вечернемъ туалетѣ входила какъ-то зимою въ большой залъ Дворянскаго Собранія.

— „Ужъ, если суждено намъ встрѣтиться, думала она, то пусть это будетъ тогда, когда Андрей будетъ возлѣ меня! Около него, опираясь на его руку, чувствуя его дорогое присутствіе, никакое воспоминаніе не страшно мнѣ! Господи, сдѣлай, чтобы такъ было!“ — Но видно. Господь не услышалъ ея грѣшную молитву.—Во время антракта, Андрей Александровичъ ушелъ покурить, а она, увидавъ издали Sophie Иртеньеву, сидѣвшую возлѣ своей старой тетки, фрейлины Волынской, захотѣла подойте къ ней. Выйдя изъ партера за колонны, она повернула налѣво и пошла между двумя рядами красныхъ бархатныхъ скамеекъ. Народу здѣсь было не такъ много, такъ какъ вся публика отхлынула въ другіе залы. Не дойдя до боковой двери нѣсколькихъ шаговъ, она увидала, какъ изъ нея вышелъ Рагодинъ и шелъ прямо на нее. Повидимому, онъ ее еще не замѣтилъ; онъ глядѣлъ въ сторону; но уже былъ такъ близко, что она ясно разглядѣла его лицо. Онъ ей показался похудѣвшимъ и какъ-то болѣзненно осунувшимся. Она остановилась, и тутъ онъ ее увидалъ; ихъ глаза встрѣтились. Испугъ, радость, внезапное страданіе—вотъ что, должно быть, изображали ихъ лица, отражаясь, какъ въ зеркалѣ, другъ въ другѣ. Но все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ. Черезъ минуту они оба прошли спокойно мимо другъ друга. Наташа только почувствовала, какъ вся кровь отхлынула у нея отъ лица и до слуха ея сквозь шумъ, говоръ и ропотъ толпы, какъ легкое дуновеніе, какъ отзвукъ далекаго прошлаго, донеслись слова: „милая, дорогая“.—Но, можетъ быть, ей это показалось? Конечно, несомнѣнно показалось!

Сказать или не сказать Андрею объ этой встрѣчѣ, думала она все время обратнаго пути, сидя въ каретѣ рядомъ съ му-

жемъ и кутаясь въ мѣховую ретонду. И почему-то ей показалось, что говорить объ этомъ будетъ — святотатствомъ; но и молчать — тоже казалось ей грѣхомъ. Она никакъ не могла разобраться въ этой двойственности ощущенія, и ужасно мучалъ ее этотъ душевный разладъ.— Но когда, раздѣвшись, она вошла въ дѣтскую и опустилась на колѣни около маленькой кровати, гдѣ, разметавшись подъ мягкимъ вязанымъ одѣяльцемъ, спалъ Митюша, то тихій миръ сошелъ въ ея душу, всѣ сомнѣнья исчезли, ясно представилась ей цѣль всей ея жизни, и вся душа ея въ тихой, искренней молитвѣ вознеслась къ Все-вышнему.

Сообщ. М. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

